

САНКЦИИ КАК СИЛОВОЙ ИНСТРУМЕНТ В ГЛОБАЛЬНОМ ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ*

С.А. Кристиневич**

Рассматривается санкционная политика как приложение концепции институциональных интервенций. Суть подхода в рассмотрении использования односторонних мер принуждения в качестве конкурентного преимущества в глобальном политико-экономическом пространстве. Характерной целевой функцией санкционной политики выступает изменение поведения «жертвы», типовым инструментом – закрытие товарных и ресурсных рынков, что позволяет трактовать санкции как силовое одностороннее прекращение обмена. Особое внимание уделяется совершенствованию методов и инструментов исследования санкционной политики. Обосновывается алгоритм ее анализа. Предложены экономические решения при реализации активного и адаптивного вариантов антисанкционной политики.

Ключевые слова: институциональные интервенции, недобровольный обмен, санкции, силовое перераспределение, насильственное равновесие, антисанкционная политика.

JEL-классификация: A10, B41, D02.

Материал поступил 19.10.2018 г.

Взаимодействие участников политического процесса на наднациональном уровне не всегда может быть успешно описано в терминах рыночного механизма координации и не всегда основано на принципах добровольного взаимовыгодного обмена, увеличивающего благосостояние. Неравномерность аллокации ресурсов может дополняться асимметрией распределения потенциала насилия, которое субъекты склонны использовать в качестве инструмента при реализации своих целевых функций в глобальной экономике. В данной работе исследовано одна из таких поведенческих стратегий: односторонние меры принуждения. Цель статьи состоит в обосновании авторского теоретико-методологического подхода к исследованию санкций как силового экономического инструмента.

Санкции как форма реализации институциональной интервенции: методологические основы анализа

Фундаментальное и всестороннее исследование природы санкций предполагает использование широкого арсенала методов и

требует иных объема и масштаба работы, чем позволяет статья. Поэтому целесообразным является обозначение контекста, в котором будет рассмотрен объект анализа. В нашем случае речь идет о политико-экономическом аспекте проблемы. Выбор ракурса обусловлен тем, что санкции являются продуктом *политической* сферы, в которой принимаются решения об использовании силового давления, и одновременно *экономической* сферы, которая предлагает набор инструментов для реализации санкционной политики. Совокупность этих сфер составляет *политико-экономическое пространство*, которое может быть подвергнуто изучению с позиций как политической, так и экономической науки. Продуктивным с точки зрения оптимального сочетания строгости и реалистичности анализа видится использование методологии новой политической экономии (направление новой институциональной экономической теории, исследующее политические институты и процессы преимущественно методами микроэкономики и ее приложений), дополненное методологически не противоречивыми конструкциями современной политической науки.

* Исследование выполнено в рамках проекта «Силовое перераспределение на национальном и наднациональном уровнях экономики: типология и механизмы реализации» при финансовой поддержке Министерства образования Республики Беларусь.

** Кристиневич Сергей Анатольевич (sk.bseu@gmail.com), кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономической теории Белорусского государственного экономического университета (г. Минск, Беларусь).

Таким образом, методология анализа санкций может быть основана на следующих принципах, предпосылках и допущениях:

допущение о неравномерности распределения насилия среди акторов политико-экономического пространства;

принцип методологического индивидуализма;

ограниченная рациональность как поведенческая предпосылка;

рассмотрение политико-экономического пространства как сферы обмена.

Допущение о неравномерности распределения насилия. В отличие от смежных общественных наук в современной экономической теории сложилась устойчивая и практически неизменная на протяжении уже столетий система взглядов на некоторые явления и процессы. Речь идет о своего рода негласной академической конвенции по поводу недопустимости пересмотра аксиоматики «основного течения». Такими аксиомами являются «безграничность потребностей» и «ограниченность ресурсов», которые вступают в противоречие между собой. Поэтому задача экономики как науки состоит в поиске таких решений, которые позволили бы достичь максимальных результатов при определенных затратах. Однако проблема кроется не в содержании самих аксиом, а в *восприятии и моделировании субъектов*, взаимодействующих между собой в процессе реализации своих поведенческих стратегий, направленных на удовлетворение потребностей в условиях ограниченных ресурсов. Дело в том, что в качестве нормативного образца используется модель рынка совершенной конкуренции. Рыночный обмен представляет собой вариант взаимодействия, основанный на принципах добровольности, взаимовыгодности, регулярности, кооперативности и конкурентности. Иными словами, субъекты здесь обладают *одинаковым потенциалом власти*, которым как константой можно пренебречь при анализе поведенческих стратегий субъектов. Такая традиция абстрагирования используется до сих пор¹, вызывая при этом недоумение у коллег-гуманитариев.

¹ В экономической теории под властью понимается способность влиять на цену или объем продаваемого товара на рынке. Такая узко микроэкономическая трактовка, безусловно, выгодна с точки зрения операциональности, но проигрывает в широте охвата явлений.

Авторская концепция институциональных интервенций основана на предпосылке, что экономические субъекты *неодинаковы в обладании властью*. Соответственно, деятельность по поводу рационального использования ограниченных ресурсов основана не на конкуренции между однородными по власти субъектами в стихийном экономическом порядке, а на конфликте субъектов с разным силовым потенциалом в иерархической структуре. Таким образом, власть выступает конкурентным преимуществом, которое субъекты склонны использовать при достижении поставленных целей. Одним из вариантов использования асимметрии власти может быть институциональная политика: целенаправленное конструирование институтов². Отсюда *институциональная интервенция* – это поведенческая модель, основанная на стратегии принуждения через установление (изменение) правил. *Причиной* институциональной интервенции является использование субъектами преимуществ в потенциале власти. *Результатом* институциональных интервенций выступают искажения функционирования аллокационных механизмов, силовое перераспределение, ограничение доступных альтернатив поведения, рост/снижение издержек у экономических субъектов. Санкционная политика предполагает изменение правил взаимодействия в одностороннем порядке, что обычно вызывает ряд последствий для «жертвы», характерный для силового перераспределения. Это дает основание рассматривать санкционную политику как вид институциональной политики в форме интервенции.

Принцип методологического индивидуализма. В настоящее время методологический индивидуализм – базовый принцип «основного течения» в экономической науке, который можно определить как способ объяснения общественных явлений через решения, которые принимают отдельные люди, а не надындивидуальные образования. Под индивидом понимается любой носитель целевой функции: как отдельный человек, так и группа (Davis, 2006. P. 371; Автономов, 2014. С. 55). Методоло-

² Под институтом понимаются «правило и механизм принуждения к соблюдению этого правила».

гический индивидуализм непосредственно связан с определением рациональности как характеристики поведения в экономической теории.

Ограниченная рациональность как поведенческая предпосылка. Модель ограниченной рациональности, применяемая в новой институциональной экономической теории, стала шагом в сторону не только реалистичности, но еще и большей строгости. Этот шаг позволил, во-первых, сформулировать поведенческие предпосылки в виде непротиворечивых аксиом (полнота, транзитивность, независимость и др.), во-вторых, изменить формулировку целевой функции поведения актора: максимизацию полезности на максимизацию *ожидаемой* полезности. Признание существования ограниченной рациональности субъектов политико-экономических процессов ставит на повестку дня обширный спектр вопросов фундаментального и прикладного характера: от эпистемологических границ модели до ее инструментальных ограничений.

Политико-экономическое пространство как сфера обмена. Реализация индивидуальных или групповых целевых функций предполагает *взаимодействие* между акторами политико-экономического процесса. Многообразие моделей взаимодействия, с которыми работают экономисты, может быть структурировано на основе критерия добровольности/недобровольности обмена. Добровольным называют такой обмен, в процессе которого взаимодействие участников не наносит ущерба собственным интересам и принимаются во внимание интересы партнеров. Принято выделять следующие формы обмена (Кристиневич, 2018): рыночное взаимодействие, борьба, игра, насилие. Санкции как поведенческая стратегия могут быть описаны моделями взаимодействия «борьба» и «игра», если со стороны «жертвы» возможен торг, или «насилием», если «жертва» не может выйти из недобровольного обмена.

Теоретические подходы к исследованию санкций

Санкции (или санкционная политика) как явление мировой политики при общей сути – изменение поведения контрагента – имеет разнообразные формы проявления.

В зависимости от целей (мотивов), инструментов воздействия и характера последствий принято выделять *неэкономические (политические)* и *экономические* санкции.

К политическим санкциям можно отнести: по критерию целеполагания – демонстрацию силы, ограничение политической самостоятельности страны-объекта, формирование необходимого общественного мнения о стране-реципиенте санкций и т. п.;

по инструментам воздействия – запрет на перемещение через границу физических лиц, ограничение участия в международных организациях, запрет на вещание СМИ, невозможность военного сотрудничества и т. п.;

по политическим последствиям – изменение политического режима, корректировка идеологической траектории развития страны, влияние на политическую стабильность и т. п.

К экономическим санкциям можно отнести:

по критерию целеполагания – дестабилизацию экономической ситуации, увеличение издержек экономического взаимодействия с третьими странами, силовое перераспределение рентных доходов в масштабах мировой экономики, освоение новых глобальных ресурсных рынков и т. п.;

по инструментам воздействия – торговые ограничения (экспортные и импортные эмбарго), финансовые ограничения (кредитные, инвестиционные: запрет на пользование платежными системами, арест счетов), запрет на государственные закупки у стран из санкционного списка, ограничения в научно-техническом сотрудничестве и т. п.;

по экономическим последствиям – снижение темпов экономического роста, сокращение экспортных доходов, падение реальных доходов населения, отток капитала, угроза экономическому суверенитету и т. п.

Критерии различения «цель–инструмент–последствие» дают возможность структурировать санкции в рамках отдельной группы. Определение природы санкций, экономической или политической, позволяет стране-реципиенту выработать эффективную систему ответных мер в рамках антисанкционной политики.

В англоязычной литературе заметной работой, определяющей, в некоторой степени, стандарт исследования экономических санкций в западном полушарии, является книга (Hufbauer, Schott, Kimberly, Oegg, 2007) группы американских исследователей Института международной экономики Петерсона. Логика данной работы может быть представлена в виде следующей схемы: «содержание санкций (описание политического и экономического компонентов) – оценка их результативности – рекомендации по повышению эффективности санкционной политики»³. Под экономическими санкциями авторы понимают меры запретительного характера в сфере торговых и финансовых отношений, целью которых является изменение политического курса страны-объекта. Исследование в целом носит инструментальный характер, сопровождается историческими кейсами, обширным статистическим материалом и эконометрическим моделированием влияния санкционной политики на внешнюю торговлю.

Краткий обзор англоязычной литературы последних лет (Cortright, 2018; Lektzian, Patterson, 2015; Neuenkirch, Neumeier, 2015; Nelson, 2015; Leyton-Brown, 2017) позволяет заключить, что исследования имеют узкоспециализированный характер и затрагивают преимущественно вопросы оценки эффективности санкций и разработки мер активной санкционной политики.

Увеличение количества русскоязычных публикаций, посвященных санкционной тематике, наблюдается с 2014 г. В отличие от западных коллег, российские ученые направили свои усилия на поиск путей снижения влияния ограничительных мер и осмысление политико-экономической природы санкций (Загашвили, 2016; Клинова, Сидорова, 2014; Нуреев, 2017; Орлова, 2014).

Довольно распространенным подходом при изучении силовых мер принуждения является новая институциональная экономическая теория в сочетании с элементами теории общественного выбора (Климова, 2016; Дмитриева, 2011; 2015). Такой синтез теоретических подходов неслучаен. Базовой трактовкой института является «пра-

вило с механизмом принуждения к соблюдению этого правила». Неотъемлемым элементом понятия выступает «механизм принуждения», или инфорсмент (enforcement – воздействие принудительного характера, «enforce» (англ.) – заставлять, принуждать). Поскольку санкции по своей природе – меры принудительного характера, методология и инструментарий новой институциональной экономической теории обладают достаточным потенциалом для референтного описания данного явления. Дополнение элементами теории общественного выбора помогает понять мотивы и логику принятия политических решений. Однако являясь частью мейнстрима современной экономической науки, эти теории последовательно разделяют ее базовые предпосылки, среди которых и допущение *об однородности экономических субъектов* (социальный атоанизм – последствие влияния ньютоновской механики). Признание однородности исключает из анализа использование субъектами потенциала насилия в процессе взаимодействия.

Авторский подход основан на допущении о неравномерности распределения насилия среди акторов политико-экономического пространства. Как следствие, рациональным поведением является его использование в качестве конкурентного преимущества. Реализация потенциала насилия проявляется в экономическом субституте военной экспансии – санкциях как инструменте силового перераспределения. Преимущество в переговорной силе и ресурсном потенциале с опорой на современные гуманитарные технологии позволяют интервенту легитимировать проводимую санкционную политику. В итоге использование односторонних мер принуждения как конкурентного преимущества в глобальном политико-экономическом пространстве становится нормой. Диапазон целей субъектов санкционной политики достаточно широк. От тактических – конструирования правил, улучшающих условия ведения бизнеса для национальных компаний, до стратегических – экспорта идеологий. Характерной целевой функцией санкционной политики выступает *изменение поведения «жертвы»*, типовым инструментом – за-

³ Последний элемент в схеме отражает повышение эффективности не анти-, а именно «санкционной политики».

крытие товарных и ресурсных рынков, что позволяет трактовать санкции как *силовое одностороннее прекращение обмена*. Следствием для страны-«жертвы» могут стать вынужденная ориентация на внутренние источники роста и превращение в недобровольную искусственную автаркию.

Исследование силового одностороннего прекращения обмена на наднациональном уровне имеет ряд особенностей. Во-первых, распределение насилия не всегда регламентировано формально, поэтому статус интервента может иметь не легитимный, а самопровозглашенный характер. Во-вторых, диапазон областей приложения силового перераспределения настолько широк, что вызывает затруднения в создании универсальных техник его применения. Поэтому целесообразным выглядит применение комбинированного (междисциплинарного) анализа и инструментария в зависимости от конкретных целевых функций глобальных интервентов. В-третьих, многообразие диспозиций интервента и «жертвы» порождает переплетение целевых функций и вариативность стратегического взаимодействия.

Методы и инструменты исследования санкций

Современный арсенал методов и инструментов исследования санкционной политики вполне разнообразен. В зависимости от масштаба поставленных задач (фундаментальность или инструментализм), границ предметного поля (дисциплинарность или междисциплинарность), идеологических предпочтений (позиция на шкале «рыночный фундаментализм – радикальный государственный дирижизм»), традиций представляемой научной школы исследователь выбирает комбинацию референтного инструментария, обеспечивающего аналитическое сопровождение исследуемого объекта. В обозначенных методологических и теоретических рамках обоснованной выглядит необходимость поиска такого «ящика с инструментами», который отвечал бы критериям последовательности, системности и взаимокомплементарности при анализе санкционной политики.

Реализация заявленных критериев возможна при селективном использовании:

элементов логически функциональной типологии оценивания (*ex ante*- и *ex post*-анализ);

оптимизационных моделей, предназначенных для описания поведенческих стратегий отдельных акторов;

игровых моделей, описывающих вариативность взаимодействия акторов;

равновесных моделей, представляющих результаты взаимодействия акторов.

Таким образом, алгоритм анализа санкционной политики может включать три этапа:

1. Идентификацию типа взаимодействия в модели «интервент – «жертва»»: борьба, игра, насилие.

2. *Ex ante*- и *ex post*-анализ (предварительное и итоговое оценивание) последствий санкционной политики;

3. Определение условий установления насильственного равновесия.

Типы взаимодействия в модели «интервент – «жертва»: борьба, игра, насилие. Борьба представляет собой недобровольную (конфликтную, некооперативную) форму взаимодействия, проявляющегося в столкновении интересов. Данный тип взаимодействия, как правило, характеризуется нулевой или отрицательной суммой. В политической и экономической науке такая модель сотрудничества используется при анализе международных отношений, стратегий поведения фирм на отраслевых рынках и других случаях с асимметричным распределением власти. Отличительной чертой этой формы обмена выступает возможность применения системы вознаграждения или санкций со стороны субъекта (группы субъектов с общей целевой функцией), обладающего большим потенциалом насилия.

Игра. Если рыночное взаимодействие – форма добровольного обмена, а борьба – недобровольного, то игру можно определить как гибридный (промежуточный) вариант отношений между субъектами. Под игрой понимается тип стратегического взаимодействия в традициях теории рационального выбора. В зависимости от того, какие в игре доминируют компоненты, рынка или борьбы, для описания поведения используются кооперативные или некооперативные виды игр. Результативность такого взаимодействия опи-

сывается термином «нулевая сумма», если выигрыш одного игрока равен проигрышу другого (антагонистическая игра), или «не-нулевой суммой» в иных ситуациях.

Насилие. Неоднородность распределения власти между субъектами политико-экономического процесса допускает возможность применения такой ее формы, как насилие. Насилие как вид недобровольного обмена может проявляться в *конкретных действиях* доминанта или *угрозе* совершения этих действий. Соотношение между актами насилия и действенностью механизмов принуждения формирует ожидания по поводу дальнейшего взаимодействия. Убедительность таких ожиданий позволяет экономить доминанту на издержках осуществления насилия, используя угрозу в качестве регуляции. Существование насилия, как в форме акта, так и в форме угрозы, усложняет задачу его измерения.

Если взаимодействие реализуется по типам «борьба» или «игра», то возможен торг, и величина издержек будет зависеть от его исхода. Если же отношения органи-

зованы по типу «насилия» и одна из сторон не может отказаться от обмена, то оптимальное состояние описывается насильственным равновесием.

Ex ante- и ex post-анализ последствий санкционной политики. Предварительный анализ (ex ante) представляет собой оценку ситуации в периоде $t + 1$ с позиций периода t . Цель оценки состоит в определении ожидаемых эффектов от введения санкций интервентом (инициатором санкционной политики). «Жертва» (объект санкций) на данном этапе определяет потенциальные угрозы. Итоговый анализ (ex post) нацелен на выявление результативности санкционной политики в периоде $t + 1$ для интервента и определения последствий и стоимостных потерь для «жертвы». Обобщенно схема анализа представлена на рис. 1.

При разработке подхода к измерению эффективности санкционной программы следует учитывать несколько моментов. Во-первых, речь идет об оценке эффективности действий со стороны интервента. Во-вторых, невозможность разделения по-

Рис. 1. Схема ex ante- и ex post-анализа санкционной политики

Источник. Авторская разработка.

литический и экономической сфер требует учета специфики принятия решений, иными словами, выбор экономически эффективных решений осуществляется из круга политически приемлемых. В-третьих, не исключается возможность выбора интервентом экономически неэффективного, но политически приемлемого варианта.

Установление насильственного равновесия. Взаимодействие между субъектом и объектом санкций, кроме типов «борьба» и «игра», может быть описано поведенческой стратегией «насилие». Суть такого варианта отношений заключается в невозможности жертвы добровольно отказаться от обмена. Традиционно обмен трактуется как «форма движения товара от одного владельца к другому». Однако в контексте концепции институциональных интервенций под обменом понимается *процесс силового взаимодействия акторов, предполагающий объединение неодинаковых политико-экономических интересов*. Используя потенциал насилия как конкурентное преимущество, субъект санкционной политики реализует стратегию силового перераспределения через институциональную политику. Объект санкций находится в состоянии принуждения, а набор поведенческих альтернатив строго ограничен. Реакция объекта зависит от уровня терпимости – максимальной величины издержек, которую готова нести «жертва». Последствием санкционной политики является насильственное равновесие – ситуация, при которой дальнейшее использование силового потенциала для интервента ведет к снижению легитимности и росту издержек контроля, а сопротивление объекта интервенции установленному институциональному порядку вызывает возрастание издержек неподчинения.

Выигрыш «жертвы» при реализации санкционной программы – величина отрицательная. Поэтому оптимальной стратегией будет минимизация издержек взаимодействия. Задача в этом случае состоит в поиске такой поведенческой стратегии, которая характеризуется максимизацией разницы между издержками подчинения и издержками отказа.

Сумму затрат, которые несет интервент, назовем *издержками санкционной про-*

граммы. Без детализации среди них можно выделить:

издержки создания проекта санкционной программы: затраты на информационное сопровождение (легитимация в глобальном политико-экономическом пространстве, формирование ожиданий у жертвы) и экспертно-аналитическое обеспечение;

издержки координации: инвестиции в конвергенцию целевых функций, создание и поддержание лояльности в коалиции;

издержки принуждения: инвестиции в создание действенного механизма принуждения к соблюдению правил или угрозы применения насилия;

издержки поддержания: затраты на поддержание минимального уровня легитимности для обеспечения насильственного равновесия;

издержки отказа: вызваны выходом жертвы из недобровольного обмена при взаимодействиях «борьба» и «игра».

Поскольку санкции есть форма недобровольного обмена, то сумма общих затрат интервента и жертвы, сопровождающих этот обмен, составляет *транзакционные издержки санкционной политики*. Бремя данного вида транзакционных издержек в значительной степени ложится на общественный сектор экономики, как в стране – доноре санкций, так и в стране-реципиенте. В итоге актуализируется проблема оценки альтернативного использования ресурсов, направляемых на финансирование санкционной программы (для субъекта санкций) или проведение антисанкционной политики (для объекта санкций). В частности, речь идет о необходимости дополнения традиционного анализа санкционных программ в системе «затраты – выгоды» путем расчета социальной ставки дисконтирования. Последняя позволяет двуаспектно оценить альтернативное использование ресурсов обществом (Baumol, 1968; Caplin, Leahy, 2000; Коссова, Шелунцова, 2012). Во-первых, дается оценка альтернативному использованию ресурсов между двумя периодами времени: готово ли общество отказаться от текущего потребления в пользу будущего. Во-вторых, возможна оценка альтернативного варианта инвестирования ресурсов по сравнению с санкционной программой.

Антисанкционные стратегии поведения: активный и адаптивный варианты

Моделирование и оценка целевых функций интервентом при проведении санкционной политики практически всегда сопряжены с критерием результативности. Традиционно принятое в теоретической экономике понятие «результативность» как «соотношение выгод и затрат» здесь имеет иную трактовку. Поскольку, как уже ранее отмечалось, типовой целью санкционной политики является изменение поведения контрагента, то под результативностью понимается степень изменения поведения жертвы в соответствии с интересами субъекта санкций после их введения. Данный критерий позволяет провести ретроспективный анализ санкционной политики, нивелируя разнородность исследовательских позиций. Краткий обзор результативности санкций приведен в табл. 1.

Обобщенный вариант по всему спектру наблюдений за период 1901–1990 гг. представлен в табл. 2.

Только треть (34%) случаев применения санкций достигает своей цели. При этом содержание целей носит преимущественно политический характер. Применение односторонних мер принуждения сопровождается откликом контрагента, а сопоставимость/несопоставимость потенциалов насилия и ресурсов определяет тип взаимодействия.

В зависимости от типа взаимодействия в модели «интервент – «жертва»» возможны несколько вариантов реакции «жертвы». При типах «борьба» и «игра» «жертва» преимущественно придерживается симметричной или активной антисанкционной стратегии. В случае отношений по типу «насилие» объект испытывает ограничения в выборе антисанкционных механизмов и вынужден минимизировать последствия (адаптивная антисанкционная политика).

Активная антисанкционная политика. Данный тип представляет собой такой вариант институциональной политики со стороны жертвы, который способен оказать системное воздействие на интервента по двум ключевым направлениям: делегитимация и снижение целевой эффективности санкций.

Делегитимация интервента и санкционной политики. Бесспорно, ключевым ресурсом активной антисанкционной политики является информация. Современные технологии воздействия на массовое сознание, возможности использования медиапространства, гуманитарные техники формирования нужных образов обостряют информационную конкуренцию, особенно на глобальном уровне. В этих условиях антисанкционным ответом может стать тактика делегитимации односторонних мер принуждения.

Таблица 1

Ретроспективный обзор результативности санкций в мировой политике

Период 1820–1900 гг.			
Интервент	«Жертва»	Год	Результат
Франция, Россия, Великобритания	Греция	1827	–
Франция	Португалия	1831	+
Франция, Великобритания	Нидерланды	1832–1833	–
Франция	Колумбия	1834	нет данных
Великобритания	Республика Новая Гренада	1837	+
Франция	Мексика	1838	–
Франция	Аргентина	1838	–
Франция	Сальвадор	1842	нет данных
Великобритания	Никарагуа	1842	+
Великобритания	Никарагуа	1844	нет данных
Франция, Великобритания	Аргентина	1845–1850	–
Великобритания	Греция	1850	–
Сардинское Королевство	Гаэта и Мессина	1860–1861	нет данных
Великобритания	Бразилия	1862–1863	+
Чили	Боливия	1879	–
Великобритания, Германия, Австрия, Россия, Италия	Греция	1886	+
Германия, Великобритания	Занзибар	1888–1889	нет данных
Франция	Сиам	1893	+
Великобритания, Германия, Австрия, Россия, Италия	Крит	1897	+

Период 1901–1990 гг.			
Интервент	«Жертва»	Год	Падение ВВП «жертвы», %
Целевая функция интервента: изменения в политике			
Великобритания	СССР	1933	нет данных
США, Великобритания	Мексика	1938	0,2
США, Великобритания, Франция	Египет	1956	3,4
США	Цейлон	1961	0,6
США	Египет	1963	1,4
Франция	Тунис	1964	1,5
США	Чили	1965	нет данных
США	Индия	1965	нет данных
США	Перу	1968	0,7
США, Канада	Южная Корея	1975	0
США	Тайвань	1976	0,1
Канада	Япония, ЕЭС	1977	нет данных
США	Бразилия	1977	0,1
США	Иран	1979	3,8
Лига арабских государств	Канада	1979	нет данных
США, Нидерланды	Суринам	1982	7,8
США	Эль Сальвадор	1987	0
Целевая функция интервента: дестабилизация политического режима			
США, Великобритания	Иран	1951	14,3
США	Лаос	1956	4,2
СССР	Финляндия	1958	1,1
США	Доминикана	1960	1,9
США	Бразилия	1962	0,6
США	Южный Вьетнам	1963	0,3
Великобритания, ООН	Родезия	1965	13
США	Чили	1970	1,5
США, Великобритания	Уганда	1972	2,6
США	Никарагуа	1977	1
ЮАР	Лесото	1982	5,1
Целевая функция интервента: предотвращение применения военной силы			
Лига Наций	Югославия	1921	0
Лига Наций	Греция	1925	0
США	Нидерланды	1948	0,2
США	Великобритания, Франция	1956	0,3
Великобритания	Аргентина	1982	0,6
Целевая функция интервента: ослабление военной мощи			
США	Германия	1914	7,1
Союзные силы	Германия, Япония	1939	1,6
Другие целевые функции			
Индия	Хайдарабад	1948	2
Нигерия	Биафра	1967	5,2
Лига арабских государств	США, Нидерланды	1973	0,4
США	Польша	1981	0,1
Индия	Непал	1989	4,6

Источник. Авторская разработка на основе (Ситников, 2016; Pape, 1997; Hufbauer, Schott, Kimberly, Oegg, 2007).

Таблица 2

Результативность санкционной политики

Целевая функция	Общее число случаев применения санкций			Процент эффективности
	Всего	успешных	неуспешных	
Изменения в политике	43	22	21	51
Дестабилизация политического режима	80	25	55	31
Предотвращение применения военной силы	19	4	15	21
Ослабление военной мощи	29	9	20	31
Другие	33	10	23	30
Итого	204	70	134	34

Источник. (Hufbauer, Schott, Kimberly, Oegg, 2007. P. 159).

Опираясь на концепцию конструирования социальной реальности (Бергер, Лукман, 1995), элементы проектирования управляемых конфликтов (Козырев, 2008; 2009), технологии модификации ментальных моделей (Groesser, Schaffernicht, 2012), концепции информационных и поведенческих войн (Armistead, 2010; Власенко, Кирьянов, 2011; Ларина, Овчинский, 2015; Сергеев, 2015; Кугушева, 2016), методики рефлексивного управления (Смолян, 2013; Gor'ka, 2016), тактика делегитимации может состоять из этапов, представленных в табл. 3.

Результативность делегитимации зависит не только от техники информационного воздействия, но и от возможностей жертвы аккумулировать и перераспределять ресурсы. Практика показывает, что страны, состоящие в интеграционном объединении и против которых направлены санкционные меры, в меньшей степени ощущают их воздействие.

Снижение целевой эффективности санкций. Мероприятия данного направления нацелены на снижение эффективности инструментов санкционной политики. Здесь можно выделить несколько «точек воздей-

ствия» со стороны «жертвы» на увеличение издержек интервента. Во-первых, *стимулирование роста издержек санкционной программы* путем реализации ответных мер преимущественно экономического характера (ограничение доступа к товарным и ресурсным рынкам, использование нетарифных мер во внешней торговле и т. п.); во-вторых, *создание дополнительных издержек координации* путем увеличения численности участников анτισанкционной коалиции (характерно для влиятельных геополитических игроков: «больших» экономик и интеграционных группировок); в-третьих, *увеличение издержек принуждения интервента* реализацией альтернативных стратегий поведения (выход на новые рынки сбыта, диверсификация ресурсных потоков и т. п.).

Адаптивная анτισанкционная политика. Для субъектов, не способных в силу недостаточности геополитического потенциала проводить активную анτισанкционную политику, возможен иной вариант поведения: адаптивная анτισанкционная политика, ориентированная на минимизацию последствий односторонних мер принуждения.

Таблица 3

Тактика делегитимации интервента

Этап	Содержание этапа
1. Актуализация конфликта в глобальном политико-экономическом пространстве	Позволяет зафиксировать публичную реакцию акторов политико-экономического пространства на конфликт, идентифицировать «своих» и «чужих», приступить к формированию анτισанкционной коалиции
2. Модификация восприятия образа «жертвы» в медиапространстве	Предполагает проведение информационных атак, снижающих воздействие астротурфинга* со стороны интервента и формирующих положительный имидж потерпевшей стороны
3. Имплементация нового образа «жертвы» в массовое сознание	Сопровождается публичной оценкой величины нанесенного ущерба, экономических и гуманитарных потерь, отсутствием оправдания недружественных действий и пересмотром поведенческих стратегий в условиях санкционного давления
4. Институционализация образа «жертвы»	Характеризуется рационализацией и формированием устойчивого восприятия объекта санкций как «жертвы», сопровождается упоминанием в нормативных актах и закреплением образа в общественном сознании
5. Легитимация образа «жертвы»	Позволяет оправдать применение контрсанкционных мер по отношению к интервенту, обеспечивает признание целесообразности симметричной реакции и делегитимирует правомерность одностороннего принуждения

* Астротурфинг – технология искусственного создания общественного мнения путем размещения многочисленных заказных публикаций, оформленных как совершенно независимые мнения частных лиц». Довольно эффективной формой является создание «платных организованных групп воздействия». Наиболее известные в мире группы: США – проект «Честный голос», Китай – «Умаодан», Великобритания – «Cambridge Analytica», Израиль – «Хасбара».

Источник. Авторская разработка.

Самым распространенным инструментом санкционных мер является закрытие товарных и ресурсных рынков для страны-реципиента. В этом случае воздействию подвергаются направления, прямо связанные с приростом ВВП. Во-первых, возникает давление на платежный баланс (преимущественно показатели отношения экспорта к ВВП и чистого прироста обязательств по финансовому счету), во-вторых, ограничения испытывают сферы, формирующие доходную часть бюджета страны. Поиск путей минимизации последствий связан в основном с двумя вариантами стратегического поведения.

1. *Экономические решения, ориентированные на внутренние источники роста.* Поскольку антисанкционные меры в большей степени направлены на снижение ущерба для национальной экономики и недопущение падения качества жизни населения, их оценка должна основываться не на критериях эффективности, предлагаемых рыночным механизмом координации, а на терминологии стандартов национальной безопасности в ситуации сложившихся «правил игры». При прочих равных условиях таким решением может стать комплексное сочетание «импортозамещение как условие экономической безопасности – стимулирующая монетарная политика как катализатор деловой активности – привлечение дополнительных (но не перераспределение за счет других сегментов внутреннего рынка) финансовых ресурсов за счет бюджетных механизмов дефицитного финансирования».

2. *Экономические решения, ориентированные на внешние источники преодоления недобровольной искусственной автаркии.* Использование страной-реципиентом санкций потенциала рынков интеграционного объединения (или антисанкционной коалиции) для диверсификации внешнеэкономической деятельности, а также субституция внешнего финансирования (альтернатива закрытому доступу на финансовые рынки интервента через размещение ценных бумаг, получение кредитов и т. п. в странах с геополитической лояльностью) могут быть оперативной мерой реагирования в краткосрочном периоде. В последующем, в за-

висимости от длительности применения санкций, возможны отраслевая корректировка и адаптация к новым условиям хозяйствования.

* * *

Неразрывное рассмотрение политических и экономических процессов предполагает использование междисциплинарного подхода. А включение в анализ допущения о неравномерности распределения власти между взаимодействующими субъектами позволяет скорректировать существующие гносеологические модели в сторону реалистичности. Власть может быть проявлена через *насилие* – форму отношений, в которых одна сторона способна удерживать в недобровольном обмене другую сторону.

Акторы неоднородны в обладании властью. Соответственно, деятельность по поводу рационального использования ограниченных ресурсов основана на конфликте субъектов с разным силовым потенциалом в иерархической структуре. Таким образом, власть выступает конкурентным преимуществом, которое рациональные субъекты склонны использовать скорее в целях силового перераспределения. *Институциональная интервенция* – модель силового перераспределения, проявляющаяся в целенаправленном манипулировании правилами и/или механизмами принуждения к их соблюдению *по причине* использования субъектами преимуществ в потенциале насилия. *Результатом* институциональных интервенций выступают искажения функционирования аллокационных механизмов, ограничение доступных альтернатив поведения, рост/снижение издержек экономических субъектов.

Технологии реализации силового неравенства активно используются правительствами стран, позиционирующих себя гарантами мирового порядка, международными клубами и организациями, в рамках интеграционных объединений. В силу этого практической стороной вопроса выступает необходимость выработки «ответных реакций» и механизмов защиты, встроенных в систему национальной безопасности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ
(REFERENCES)

- Автономов В.С.** 2014. Еще несколько слов о методологическом индивидуализме. *Общественные науки и современность*. № 3. С. 53–56. [Avtonomov V.S. 2014. A few words about methodological individualism. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. No 3. PP. 53–56. (In Russ.)]
- Бергер П., Лукман Т.** 1995. *Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания*. Москва: Academia-Центр, Медиум. [Berger P., Lukman T. 1995. *Social construction of reality. Treatise on the sociology of knowledge*. Moscow: Academia-Tsentr, Medium. (In Russ.)]
- Власенко И.С., Кирьянов М.В.** 2011. *Информационная война: искажение реальности*. Москва: ИД «Канцлер». [VlaIsenko I.S., Kir'yanov M.V. 2011. *Information war: Distortion of reality*. Moscow: ID «Kantsler». (In Russ.)]
- Дмитриева Н.И.** 2011. Экономические санкции в свете новой институциональной экономики. *Государственное управление в XXI веке: традиции и инновации*: материалы 9-й Международной конференции факультета государственного управления МГУ им. М.В. Ломоносова. Т. 1. Москва: МГУ. [Dmitrieva N.I. 2011. Economic sanctions in the light of the new institutional economy. *Gosudarstvennoe upravlenie v XXI veke: traditsii i innovatsii*: materialy 9-y Mezhdunarodnoy konferentsii fakul'teta gosudarstvennogo upravleniya MGU im. M.V. Lomonosova. Vol. 1. Moscow: MGU. (In Russ.)]
- Дмитриева Н.И.** 2015. Экономические санкции как инструмент политического давления. *Государственное управление. Электронный вестник*. Вып. 52. С. 120–143. [Dmitrieva N.I. 2015. Economic sanctions as an instrument of political pressure. *Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyy vestnik*. Iss. 52. PP. 120–143. (In Russ.)]
- Загашвили В.** 2016. Диверсификация российской экономики в условиях санкций. *Мировая экономика и международные отношения*. Т. 60. № 6. С. 52–60. [Zagashvili V. 2016. Diversification of the Russian economy in terms of sanctions. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. Vol. 60. No 6. PP. 52–60. (In Russ.)]
- Климова Н.И.** 2016. «Экономика санкций» как область научных исследований: теоретические основы и положения. *Фундаментальные исследования*. № 5. С. 357–361. [Klimova N. 2016. «The economy of sanctions» as an area of research: theoretical foundations and provisions. *Fundamental'nye issledovaniya*. No 5. PP. 357–361. (In Russ.)]
- Клинова М., Сидорова Е.** 2014. Экономические санкции и их влияние на хозяйственные связи России с Европейским союзом. *Вопросы экономики*. № 12. С. 67–79. [Klinova M., Sidorova E. 2014. Economic sanctions and their impact on the economic relations of Russia with the European Union. *Voprosy ekonomiki*. No 12. PP. 67–79. (In Russ.)]
- Козырев Г.И.** 2008. «Жертва» в социально-политическом конфликте. Москва: Экслибрис-Пресс. [Kozyrev G.I. 2008. «Victim» in a socio-political conflict. Moscow: Ekslibris-Press. (In Russ.)]
- Козырев Г.И.** 2009. Конструирование «жертвы» как способ создания управляемой конфликтной ситуации. *Социологические исследования*. № 4. С. 63–73. [Kozyrev G.I. 2009. Constructing a «victim» as a way to create a controlled conflict situation. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. No 4. PP. 63–73. (In Russ.)]
- Коссова Т.В., Шелунцова М.А.** 2012. Социальная ставка дисконтирования в России: методология, оценка, межрегиональные различия. *Экономическая наука современной России*. № 3. С. 16–27. [Kossova T.V., Sheluntsova M.A. 2012. Social discount rate in Russia: methodology, assessment, inter-regional differences. *Ekonomicheskaya nauka sovremennoy Rossii*. No 3. PP. 16–27. (In Russ.)]
- Кристиневич С.А.** 2018. Типология институциональных интервенций в контексте силовых перераспределительных процессов. *Белорусский экономический журнал*. № 3. С. 124–135. [Kristinevich S.A. 2018. The typology of institutions intervention in the context of power redistribution processes. *Belorusskiy ekonomicheskii zhurnal*. No 3. PP. 124–135. (In Russ.)]
- Кугушева А.** 2016. От информационных войн к поведенческим. *Информационные войны*. № 1. С. 11–23. [Kugusheva A. 2016. From the information wars to behavioral. *Informatsionnye voyny*. No 1. PP. 11–23. (In Russ.)]
- Ларина Е.С., Овчинский В.С.** 2015. Новая военная стратегия США и поведенческие войны. *Мировая политика: старые проблемы и новые вызовы. Ежегодник ИМИ*. Вып. 3. С. 136–143. [Larina E.S., Ovchinskiy V.S. 2015. New US military strategy and behavioral wars. *Mirovaya politika: starye problemy i novye vyzovy. Ezhegodnik IMI*. Iss. 3. PP. 136–143. (In Russ.)]
- Нуреев Р.М.** (Ред.). 2017. *Экономические санкции против России: ожидания и реальность*. Москва: КноРус. [Nureev R.M. (Ed.). 2017. *Economic sanctions against Russia: expectations and reality*. Moscow: KnoRus. (In Russ.)]
- Орлова Н.** 2014. Финансовые санкции против России: влияние на экономику и экономическую политику. *Вопросы экономики*. № 12. С. 54–66. [Orlova N. 2014. Financial sanctions against Russia: The impact on the economy and economic policy. *Voprosy ekonomiki*. No 12. PP. 54–66. (In Russ.)]
- Сергеев И.В.** 2015. Информационно-психологическая война как форма эскалации межгосударственных конфликтов. *Информационные вой-*

ны. № 2(34). С. 38–41. [Sergeev I.V. 2015. Information-psychological warfare as a form of escalation of interstate conflicts. *Informatsionnye voyny*. No 2(34). PP. 38–41. (In Russ.)]

Ситников К.В. 2016. Оценка эффективности экономических санкций как института внешней политики. *Научные исследования экономического факультета. Электронный журнал*. Т. 8. Вып. 3. С. 14–24. [Sitnikov K.V. 2016. Evaluation of economic sanctions effectiveness as a foreign policy institute. *Nauchnye issledovaniya ekonomicheskogo fakul'teta. Elektronnyy zhurnal*. Iss. 8. No 3. PP. 14–24. (In Russ.)]

Смолян Г.Л. 2013. Рефлексивное управление — технология принятия манипулятивных решений. *Труды Института системного анализа РАН*. Т. 63. № 2. С. 54–61. [Smolyan G.L. 2013. Reflexive control as a technigues for making manipulation decisions. *Trudy Instituta sistemnogo analiza RAN*. Vol. 63. No 2. PP. 54–61. (In Russ.)]

Armistead L. 2010. *Information operations matters. Best practices*. Washington, DC: Potomac Books.

Baumol J. 1968. On the social rate of discount. *American Economic review*. No 4. PP. 788–802.

Caplin A., Leahy J. 2000. The social discount rate. *NBER Working paper*. No W7983.

Cortright D., Lopez G. 2018. *Economic sanctions. Panacea or peacebuilding in a post-cold war world?* New York: Routledge.

Davis J. 2006. Social identity strategies in recent economics. *Journal of Economic Methodology*. Vol. 13. No 3. PP. 371–390.

Gorka S. 2016. How America will be attacked. Irregular warfare, the Islamic State, Russia and China. *Military Review*. Vol. 96. No 5. PP. 30–40.

Groesser S.N., Schaffernicht M. 2012. Mental models of dynamic systems: Taking stock and looking ahead. *System Dynamics Review*. Vol. 28. No 1. PP. 46–68.

Hufbauer G.C., Schott J.J., Kimberly A.E., Oegg B. 2007. *Economic sanctions reconsidered*. Washington, DS: Institute for International Economics.

Lektzian D., Patterson D. 2015. Political cleavages and economic sanctions: The economic and political winners and losers of sanctions. *International Studies Quarterly*. Vol. 59. Iss. 1. PP. 46–58.

Leyton-Brown D. (Ed.). 2017. *The utility of international economic sanctions*. London: Routledge.

Nelson R.M. 2015. U.S. Sanctions on Russia: Economic implications. *CRS Report R43894*.

Neuenkirch M., Neumeier F. 2015. The impact of UN and US economic sanctions on GDP growth. *FIW Working Paper*. No 138.

Pape R.A. 1997. Why economic sanctions do not work? *International Security*. Vol. 22. No 2. PP. 90–136.

In citation: *Belorusskiy Ekonomicheskii zhurnal*. 2019. No 1. PP. 30–42.

Belarusian Economic Journal. 2019. No 1. PP. 30–42.

SANCTIONS AS A FORCEFUL INSTRUMENT IN THE GLOBAL POLITICAL-ECONOMIC AREA

Sergey Kristinevich¹

Author affiliation: ¹ Belarus State Economic University (Minsk, Belarus).

Corresponding author: Sergey Kristinevich (sk.bseu@gmail.com).

ABSTRACT. A sanction policy is considered in this paper as an application of the institutional interventions concept. The main idea of the approach is in the consideration of applying unilateral measures of coercion as a competitive advantage in the global political-economic area. The characteristic target function of the sanction policy is the change of the «victim's» behavior, whereas a typical instrument is closing commodity and resource markets, which enables to treat sanctions as a forceful unilateral termination of exchange. Special attention is drawn to improving the methods and instruments of the sanction policy research. Substantiated is the algorithm of its analysis. Suggested are economic solution in the implementation of the active and adaptive variants of the anti-sanction policy.

KEYWORDS: institutional interventions, involuntary exchange, sanctions, redistribution by force, forceful equilibrium, anti-sanction policy.

JEL-code: A10, B41, D02.

Received 19.10.2018

